

Научная статья
УДК. 304.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-212-220

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЙ НОНКОНФОРМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Татьяна Валентиновна Лугуценко^{1✉}, Светлана Григорьевна Пиченикова²

^{1,2}Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

¹telfira@yandex.ru✉, AuthorID РИНЦ: 1177677

²pichenikova_svet@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 21259742

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе проявлений неконформизма в условиях информационного общества.

Методологической основой исследования выступают структурно-функциональный подход, положения теории информационного общества, теории «виртуального общества», концепции гиперсимволической реальности.

Результаты исследования. *Появление и развитие социальных сетей предоставило человеку больше свободы для общения, саморазвития, творчества, но в то же время создало условия для экспериментов со своей онлайн-идентичностью, нередко выходящей за пределы социальной нормы. Плюрализм ценностей, присутствующий в Интернет-пространстве, с одной стороны, значительно расширяет возможности самореализации, а с другой — погружает человека в аксиологический хаос виртуальной реальности, в которой, по сути, отсутствуют какие-либо нормы и запреты. В такой ситуации начинают активизироваться стратегии неконформистского поведения в сети Интернет, нарушающие сложившиеся социальные нормы. В этом плане неконформизм может проявляться как в креативной деятельности, так и в различных социальных девиациях, несущих риски для традиционных духовно-нравственных ориентиров личности.*

Перспективы исследования. *Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования проявлений неконформизма в условиях виртуализации общества.*

Ключевые слова: *неконформизм, информационное общество, виртуальная реальность, саморепрезентация, плюрализм ценностей, социальные девиации, эпатаж*

Для цитирования: *Лугуценко Т.В., Пиченикова С.Г. Специфика проявлений неконформизма в информационном обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 212–220. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-212-220>.*

Original article

THE SPECIFICITY OF MANIFESTATIONS OF NONCONFORMISM IN THE INFORMATION SOCIETY

Tatyana V. Lugutsenko^{1✉}, Svetlana G. Pichenikova²

^{1,2}Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

¹telfira@yandex.ru✉, AuthorID RSCI: 1177677

²pichenikova_svet@mail.ru, AuthorID RSCI: 21259742

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the manifestations of nonconformity in the information society.*

The methodological basis of the study is the structural-functional approach, the provisions of the theory of the information society, the theory of «virtual society», the concept of hypersymbolic reality.

Research results. *The emergence and development of social networks gave a person more freedom for communication, self-development, creativity, but at the same time created conditions for experimenting with their online identity, which often goes beyond the social norm. The pluralism of values presents in the Internet space, on the one hand, significantly expands the possibilities of self-realization, and on the other hand, plunges a person into the axiological chaos of virtual reality, in which, in fact, there are no norms and prohibitions. In such a situation, strategies of nonconformist behavior on the Internet begin to activate, violating established social norms. In this regard, nonconformism can manifest itself both in creative activity and in various social deviations that carry risks for the traditional spiritual and moral guidelines of the individual.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the manifestations of nonconformism in the context of the virtualization of society.*

Keywords: *nonconformism, information society, virtual reality, self-representation, pluralism of values, social deviations, shocking*

For citation: *Lugutsenko T. V., Pichenikova S. G. The Specificity of Manifestations of Nonconformism in the Information Society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 212–220. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-212-220>.*

Введение. Становление информационного общества влечет за собой существенные трансформации в образе жизни человека, его ценностных ориентациях и способах коммуникации. Появление новой информационной модели социума открывает огромные возможности для самореализации личности, связанные с доступностью различных каналов получения информации, позволяющих выбрать нужный контент для удовлетворения познавательных, образовательных, досуговых, коммуникативных и иных потребностей человека.

В то же время появление виртуальной реальности привело к тому, что социальное

взаимодействие стало осуществляться преимущественно в сети Интернет. Став неотъемлемой сферой жизни современного человека, виртуальное пространство социальной коммуникации формирует свой порядок, свою систему символов и форм социального поведения.

В настоящее время процесс социализации личности осуществляется не только в реальном социуме, но и в виртуальной среде, особенностью которой является: а) отсутствие временных и пространственных границ; б) присутствие широкого спектра аксиологических систем, наличие которых проблема-

тизирует процесс идентификации человека, ставит его перед выбором ценностных ориентиров, определяющих модели его поведения.

Ценностно-нормативные системы, представленные в виртуальном пространстве, могут опираться на религиозные и/или светские идеи, либеральные и/или традиционные культурные установки, глобалистские и/или антиглобалистские проекты и т.п. Такой плюрализм ценностей, с одной стороны, значительно расширяет возможности самореализации, а с другой — погружает человека в аксиологический хаос виртуальной реальности, в которой, по сути, отсутствуют какие-либо нормы и запреты. Очевидно, что в такой ситуации начинают активизироваться формы неконформистского поведения в Интернет-сети, нарушающие сложившиеся социальные нормы. В этом плане неконформизм может проявляться как в креативной деятельности, так и в различных социальных девиациях, несущих риски для традиционных духовно-нравственных ориентиров личности. Понимание неоднозначного характера проявлений неконформизма в сети Интернет заставляет обращаться к исследованию данной проблемы.

Методология и методы исследования. Начало исследований неконформизма связано с работами Ч. Кули, Р. Мертона, П. Штомпки и др. [8; 10; 16]. Авторы рассматривают дихотомию конформизма и неконформизма как способы индивидуальной и групповой адаптации человека к социальной среде. В рамках данного подхода неконформизм интерпретируется не только как отступление от нормативного порядка, но и как способ изменения этого порядка.

Концептуальным для исследования специфики неконформизма выступает структурно-функциональный подход Т. Парсонса, который раскрывает основы социального порядка и факторов его разрушения [12].

Методологической основой исследования неконформизма в условиях информационного социума выступают положения теории информационного общества Э. Тоффлера, Э. Гидденса, М. Кастельса, Д. Белла [14; 4; 7; 2]. Ученые анализируют социальные изменения, обусловленные новыми информационными технологиями, принципиально

меняющими повседневную жизнь современного человека.

Для исследования специфики виртуальной реальности применяются положения теории «виртуального общества» А. Бюля, М. Паэту, а также концепции гиперсимволической реальности Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и др. [17; 19; 3; 5].

Совокупность данных подходов создает методологические основания для исследования специфики проявлений неконформизма в информационном обществе.

Результаты. В настоящее время виртуальная реальность стала новым явлением культуры, обладающим своими особыми символическими и коммуникационными формами, принципиально меняющими организацию жизни человека и способ его социализации. На это обращают внимание ученые, подчеркивая, что «ресурсы Интернета представляют собой новые культурные средства, опосредствующие жизнедеятельность современного человека и способные оказать влияние на формирование не только личности, но и на его высшие психические функции» [11, с. 67].

Преимущества киберсоциализации связаны с такими особенностями Интернет-сети, как доступность, оперативность получения информации, мобильность, свобода самовыражения и пр. Это создает условия для различных проявлений неконформизма, которые могут приобретать характер социальных девиаций и могут выражать творческие интенции человека, ориентированные на поиск новых форм самореализации и самопрезентации себя в Интернет-сети.

В научной литературе неконформизм понимается как форма поведения, противоположная конформизму, что заставляет ученых рассматривать их специфику сквозь призму дихотомии данных явлений. В рамках структурно-функционального подхода конформизм интерпретируется как коллективно одобряемая форма поведения человека, обеспечивающая социальный порядок, а неконформизм — как нарушение данного порядка в результате выбора альтернативной данному порядку ценностно-нормативной установки, определяющей формы поведения, отклоняющиеся от норм, принятых в обществе, причем у Р. Мертона неконформизм

и социальные девиации (например, преступления) не являются тождественными явлениями [10]. Различия между ними заключаются в том, что нонконформист в отличие от преступника не стремится скрывать свои действия, отступающие от социальных норм, обосновывая это необходимостью пересмотра последних в силу их несовершенства.

С точки зрения Р. Мертона, девиации связаны не с личными свойствами человека, а исключительно со спецификой общественных отношений. В этом аспекте причины нонконформизма лежат в обществе, они социально обусловлены. Различные формы девиации начинают проявляться тогда, когда субъект (человек либо социальная общность), во-первых, имеет цель, но не может её достичь, используя дозволенные средства, во-вторых, не желает следовать имеющимся социальным нормам. Исследователь отмечает, что девиантное поведение приобретает масштабный характер при следующем условии: система действующих культурных ценностей провозглашает некие универсальные цели, позиционируемые как общие цели успеха, а социальная система не дает возможности их достижения подавляющему большинству населения посредством одобряемых способов [10]. На этом фоне нонконформизм рассматривается как результат конфликта различных ценностных систем.

В теории Ч. Кули нонконформизм как форма социального поведения интерпретируется двояко: во-первых, она представляет собой вид протеста против социальных норм, сложившихся в обществе; во-вторых, выражает «отказ от бытующих и рутинных норм во имя каких-то новых и необычных» [8, с. 213].

В этом плане конформизм и нонконформизм в обществе выполняют различные функции: конформизм позволяет обеспечивать стабильность функционирования социальной системы, а нонконформизм — ее трансформировать.

В настоящее время ученые отмечают тенденцию к разрушению жёстких социальных норм и расширению возможностей человека делать индивидуальный выбор, ориентируясь на свои цели и интересы. Данный процесс американский ученый Р. Инглхарт назвал «тихой революцией» [6]. Специфика

этой революции в том, что она произвела переворот в системе ценностных приоритетов современного человека, то есть для человека первоочередными приоритетами становятся возможности самовыражения и самореализации, которые определяют качество жизни. Анализируя современные социальные трансформации, Р. Инглхарт приходит к выводу, что в современном обществе наблюдается процесс разрушения «жёстких социальных норм и расширение сферы индивидуального выбора и массового участия» [6, с. 7].

Исследователи отмечают, что социальные девиации присутствуют в обществе всегда, но бывают периоды, когда их количество и масштабы столь внушительны, что это дает основание задумываться о неблагополучии общества и состоянии его нормативной системы. Несмотря на то, что социальные девиации не всегда представляют собой исключительно деструктивное явление, напротив, они могут быть драйвером общественного и культурного развития, но высокий удельный вес их в обществе свидетельствует о его кризисном состоянии.

В настоящее время социальные девиации перешли из физической реальности в виртуальное пространство. Последнее обладает как конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Первый связан с новыми широкими возможностями, которые открываются для человека в сфере общения, образования, досуга и профессиональной деятельности. Деструктивный потенциал Интернет-сети проявляется в распространении информации экстремистской направленности, росте компьютерной преступности, появлении суицидальных групп, развитии таких негативных социальных практик, как буллинг, троллинг и прочее.

В силу анонимности, являющейся одним из основных атрибутов интернет-коммуникации, отсутствии опасений, связанных с возможностью привлечения к ответственности, пользователи Сети активно используют весь набор девиантных и делинквентных форм социального поведения, включая враждебность, нередко переходящую в откровенную агрессию, аддикции коммуникативного и сексуального характера [13].

Исследователи правомерно отмечают, что в настоящее время возникла принципи-

ально новая социальная система «человек — компьютер». Проблема состоит в том, что она развивается по своим законам, не подконтрольным человеку. Оказывая существенное влияние на человеческую психику, виртуальная реальность подталкивает людей к поведенческим девиациям. Революционные технико-технологические изменения, носящие глобальный характер, приводят не только к расширению человеческих возможностей, но и к негативным социальным последствиям. В частности, культура приходит в «диффузное» состояние, её ценностно-нормативное основание утрачивает определенность, следствием чего становятся неконформистские формы поведения как в реальном, так и в виртуальном мирах.

В научном дискурсе в отношении виртуальной реальности не сложилось однозначного понимания. С точки зрения А. Бюля, виртуализация социума есть исключительно технологический процесс, определивший появление нового параллельного мира, отличного от мира реального [17]. В этом аспекте виртуальная реальность является продуктом компьютерных технологий, посредством которых производится новый мир «зазеркалья», функционирующий по своим собственным правилам. По мнению ученого, виртуальное общество является альтернативной моделью традиционного общества, в котором индивид подчинен определенным коллективным традициям, нормам, правилам, детерминирующим его поведение. Виртуальная реальность, напротив, предоставляет человеку неограниченную свободу в самореализации и творческом поиске. Это обусловлено тем, что в виртуальном мире социальная коммуникация характеризуется анонимностью, отсутствием пространственно-временных границ, жестких социальных рамок и т.п. Именно это открывает перед человеком возможность экспериментировать со своей идентичностью, внешним обликом, социальным статусом и пр. Таким образом, появление виртуальной среды позволяет человеку освободиться от своего физического мира и уходить в мир символический.

В концепции М. Кастельса виртуальная реальность — это форма социальной коммуникации, опосредованная компьютерными технологиями, причем социальная и вирту-

альная реальность не существуют параллельно, напротив, они проникают друг в друга, создавая сетевую структуру социальных взаимодействий. Ученый рассматривает виртуальное как фрагмент социального взаимодействия, опосредованного компьютерными сетями [7]. Виртуальная реальность создает условия для развития субъектности личности, поскольку люди не только пассивно воспринимают информацию в социальных сетях, но и создают ее, формируя определенные ценностные установки и модели социального поведения.

В философии Ж. Бодрийера виртуальная реальность описывается посредством понятия «гиперреальность», которое отражает не подлинный мир, а его копию, подделку, «симулякр» [3], причем эта виртуальная иллюзия социального мира выглядит реальнее и привлекательнее, чем сама действительность. Это, по мнению философа, обусловлено возможностями виртуальной среды удовлетворять различные потребности человека, создавать субъективное ощущение удобства, комфортности его пребывания в ней, а также сохранять анонимность, придумывать себе новый образ и т.п.

Поскольку значительную часть своей жизни современный человек проводит в сети Интернет, которая создает условия для оперативной и интерактивной коммуникации с различными акторами, то это актуализирует проблему самопрезентации личности в виртуальном пространстве. Самопрезентация рассматривается как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать у окружающих и у самого себя благоприятное впечатление» [9, с. 129].

В то же время самопрезентация как способ коммуникации ориентирована на привлечение внимания к собственной персоне. В стремлении вызвать интерес к своей личности человек нередко выбирает неконформистскую стратегию саморепрезентации, например, в форме эпатажа. Последний представляет собой поведение, которое нарушает определенные правила и социальные нормы с целью поразить и удивить окружающих.

Возможности Интернет-пространства создают условия для конструирования практически любого образа своей виртуальной личности. В молодежной среде неконформист-

ская стратегия саморепрезентации нередко проявляется в стремлении продемонстрировать свою уникальность, отличие от других, принадлежность к неформальным сообществам. Создавая в социальных сетях свой нестандартный образ, человек демонстрирует свой разрыв с общепринятыми стандартами, позиционируя себя в качестве автономной и исключительной личности.

Анализируя социально-психологические особенности неформалов, ученые указывают на то, что такой тип личности «не живет ради всеобщих ценностей и не отрицает этого. Он ведет порицаемый обществом образ жизни и наслаждается им. Его цель — саботировать систему, предприняв попытку стандартизировать всех и вся. Ему не нужно обременять себя заурядными проблемами, бесцельно пытаться разрешить их, исчерпывая личный потенциал возможностей. Он никому не навязывает свою жизненную позицию, боясь превратить ее в “модную иллюзию”, которую презирает. Его призвание — бороться со стремлением быть “как все”» [15, с. 137].

Очевидно, что появление и развитие социальных сетей предоставило человеку больше свободы для общения, саморазвития, творчества, но в то же время создало условия для экспериментов со своей онлайн-идентичностью, нередко выходящей за пределы социальной нормы.

По мнению Э. Гидденса, информационное общество, несмотря на огромные возможности, ведет человека к новому духовному кризису, в том числе и кризису идентичности. Последний обусловлен прежде всего, появлением виртуальной реальности, которая нарушает естественный процесс социализации индивида, перенося его в Интернет-пространство. В результате духовное отчуждение человека от своей культуры, истории, норм, традиций, только усугубляется, поскольку перед человеком возникает такой плюрализм ценностей, которого не знало ни одно общество в доинформационную эпоху. Кроме того, в виртуальной реальности идет процесс обезличивания коммуникации, анонимный характер которой нередко способствует нарушению моральных норм.

В условиях плюрализма ценностей люди постоянно рискуют, выбирая ту или иную модель поведения. По этому поводу Э. Гидденс

говорит о том, что жить в современную эпоху — значит жить в мире неопределенности и риска, поскольку «у людей отсутствует уверенность в завтрашнем дне, они живут в неких виртуальных состояниях, стремясь к более лучшей жизни, рисуя себе в воображении иллюзорные картины мира» [18, р. 63].

Исследователи правомерно указывают на то, что новые технологии, расширяя человеческие возможности, актуализируют в людях качества, весьма сомнительные с нравственной точки зрения. Человеческие изобретательность и упорство трансформируются в изворотливость и упрямство в достижении неблагоприятных целей. И если раньше человек опасался негативных социальных оценок, поскольку совершаемое действие было слишком наглядным, то в настоящее время обезличенность коммуникации позволяет намеренно совершать недолжное, игнорируя как общественное одобрение, так и общественное порицание [1].

Заключение. Очевидно, что современное информационное общество открывает новые возможности для саморазвития человека, реализации его творческих интенций, но в то же время порождает новые проблемы для самоидентификации личности, связанные с появлением виртуальной реальности, которая представляет собой сетевое пространство, характеризующееся плюрализмом ценностей. В условиях последнего ценностно-нормативная самоидентификация личности приобретает проблематичный характер.

В условиях виртуализации социума на человека обрушивается не только огромный поток информации, который с трудом поддается переработке и усвоению, но и предлагаются различные, нередко альтернативные системы ценностей и модели поведения. Такая ситуация приводит человека к дезориентации, поскольку перед ним возникает сложная проблема выбора и поиска оснований для обретения своей идентичности и духовной цельности.

Список источников

1. Багаутдинов А. М., Багаутдинов Р. А. Иррациональное поведение как проявление амбивалентности духовности человека // Социально-гуманитарные знания. 2021. №1. С. 99–103.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 788 с.

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.

4. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.

5. Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 225–240.

6. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. №4. С. 3–9.

7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 309 с.

9. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997. 688 с.

10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

11. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М.: Институт практической психологии, 1997. 365 с.

12. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.

13. Стригуненко И. К. Особенности девиантного поведения в глобальной сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №10. С. 74–76.

14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

15. Чернышенко В. В. Экзистенциальные проблемы современных молодежных субкультур // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №114. С. 136–139.

16. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

17. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft // Ukonomic, Politic and Kultur im Zeicheudes Cyberspace. Opladen, 1997. P. 284–315.

18. Giddens A. Runaway world. How Globalisation is Reshapind our Lives. London: Profile Books, 2002. 138 p.

19. Paetau M. Virtualisierung des Sozialen. Die Informationsgesellschaft Zwischen Frag-

mentierung und Globalisierung. Frankfurt am Main, 1997. 258 p.

References

1. Bagautdinov A. M., Bagautdinov R. A. Irracional'noe povedenie kak projavlenie ambivalentnosti duhovnosti cheloveka [Irrational behavior as a manifestation of ambivalence of human spirituality]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2021; (1): 99–103. (In Russ.).

2. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo [The coming post-industrial society]. Moscow: Academia, 2004. 788 p. (In Russ.).

3. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacji [Simulacra and simulations]. Per. s fr. A. Kachalova. Moscow: POSTUM, 2015. 240 p. (In Russ.).

4. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir. Kak globalizacija menjaet nashu zhizn' [The Elusive World. How globalization is changing our lives]. Moscow: Ves' mir, 2004. 116 p. (In Russ.).

5. Delez Zh. Platon i simuljakr [Plato and the Simulacrum]. Intencional'nost' i tekstual'nost'. *Filosofskaja mysl' Francii XX veka* [Intentionality and textuality. Philosophical thought of France of the XX century]. Tomsk: Vodoley, 1998. P. 225–240. (In Russ.).

6. Ingihart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodern: changing values and changing societies]. *Politicheskie issledovanija* [Political studies]. 1997; (4): 3–9. (In Russ.).

7. Kastel's M. Informacionnaja jepoha. Jekonomika, obshhestvo i kul'tura [The information age. Economics, Society and Culture]. Moscow: GU VShJe, 2000. 608 p. (In Russ.).

8. Kuli Ch. Chelovecheskaja priroda i social'nyj porjadok [Human nature and social order]. Moscow: Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 2000. 309 p. (In Russ.).

9. Majers D. Social'naja psihologija [Social psychology]. Siant Petersburg: Piter, 1997. 688 p. (In Russ.).

10. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]. Moscow: AST, 2006. 873 p. (In Russ.).

11. Mudrik A. V. Vvedenie v social'nuju pedagogiku [Introduction to social pedagogy]. Moscow: Institut prakticheskoy psihologii, 1997. 365 p. (In Russ.).

12. Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2002. 880 p. (In Russ.).
13. Strigunenکو I.K. Osobennosti deviantnogo povedeniya v global'noj seti Internet [Features of deviant behavior in the global Internet]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*. 2018; (10): 74–76. (In Russ.).
14. Toffler Je. Tret'ja volna [The third wave]. Moscow: AST, 2010. 784 p. (In Russ.).
15. Chernyshenko V.V. Jekzistencial'nye problemy sovremennyh molodezhnyh subkul'tur [Existential problems of modern youth subcultures]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Ger-cena [News of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University]*. 2009; (114): 136–139. (In Russ.).
16. Shtompka P. Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva [Sociology. Analysis of modern society]. Moscow: Logos, 2005. 664 p. (In Russ.).
17. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Ukonomic, Politic and Kultur im Zeicheudes Cyberspace. Opladen, 1997. P. 284–315.
18. Giddens A. Runaway world. How Globalisation is Reshapind our Lives. London: Profile Books, 2002. 138 p.
19. Paetau M. Virtualisiering des Sozialen. Die Informationsgessellschaft Zuischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt am Main, 1997. 258 p.

Статья поступила в редакцию 22.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.
The article was submitted on 22.04.2023; approved after reviewing on 10.05.2023; accepted for publication on 10.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лугуценко Татьяна Валентиновна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Луганский государственный педагогический университет.
Россия, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

Tatyana V. Lugutsenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University.
2 Oboronnaja str., Lugansk, Russia

Пиченикова Светлана Григорьевна — старший преподаватель кафедры «Культурология и музыковедение», Луганский государственный педагогический университет.
Россия, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

Svetlana G. Pichenikova — Senior Lecturer of the Department of Cultural Studies and Musicology, Lugansk State Pedagogical University.
2 Oboronnaja str., Lugansk, Russia

Вклад авторов:

Лугуценко Т. В. — концепция исследования; разработка методологии; научное редактирование текста; итоговые выводы.

Пиченикова С. Г. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Lugutsenko T. V. — research concept; methodology development; scientific text editing; final conclusions.

Pichenikova S. G. — writing the source text; final conclusions.